Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87
EDN: EKRGKJ

«ВОЛЬНЫЕ КАБАРДИНЦЫ» В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ И ОСМАНО-ЧЕРКЕССКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ НА ОСНОВЕ РОССИЙСКИХ И ОСМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Асланбек Султанович Мирзоев[1], Мехмет-Риза Кемал Чанак[2]
[1] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (АбИГИ АНА), Сухум, Республика Абхазия, marzeibach@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5056-6788
[2] Анкара, Турция, gskank@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение Хаджретской Кабарды в истории национально-освободительного движения черкесского народа в период Кавказской войны. Хаджреты, обладая эффективной военной организацией, проявляя высокую военную активность в данном субрегионе Северо-Западного Кавказа на протяжении нескольких десятилетий имели среди закубанских народов не пропорциональное своей численности влияние. Российская империя предпринимала все меры для нейтрализации этого фактора, а Османская империя использовала его в своих геополитических интересах. Лидеры кабардинских хаджретов, хорошо осведомленные о бюрократическом устройстве Османской империи, находились в постоянном контакте с Оттоманской Портой. На основе российских и османских источников раскрываются новые аспекты османо-черкесских взаимоотношений, уточняются хронологические рамки начала переселения черкесов в Турцию. Дореволюционная российская и современная историография относят начало переселенческого процесса к 1858 г. Документы османского архива, впервые опубликованные в статье, свидетельствуют, что этот процесс имел место уже в 1835 г. Также они позволяют выявить среди переселенцев новую категорию лиц – беженцев, которую следует отличать от других, позднее появившихся категорий, – эмигрантов и перемещенных лиц.

Ключевые слова: Хаджретская Кабарда, Кавказская война, Магомет Аш Атажукин, беженцы, эмигранты, перемещенные лица

Для цитирования: Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. «Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и османо-черкесских отношений первой половины XIX столетия на основе российских и османских источников // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 69-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Благодарности: Документы из Османского архива предоставлены выпускником исторического факультета университета Анкары Мехмет-Ризой Чанак. Перевод текстов документов на русский язык осуществлен Шамилем Сасык, выпускником кафедры русского языка и литературы университета Анкары.

Original article

"FREE KABARDIANS" IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-TURKISH AND OTTOMA-CIRCASSIANC RELATIONS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY BASED ON RUSSIAN AND OTTOMAN SOURCES

Aslanbek S. Mirzoev[1], **Mekhmet-Riza K. Zhanak**[2]

[1] Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after DI. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia (AbIGI ANA), Sukhum, Republic of Abkhazia, st. Aidgy-lara, 44, marzeibach@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5056-6788

[2] Ankara, Turkey, gskank@gmail.com

Abstract. The article discusses the role and significance of Khadzhret Kabarda in the history of the national liberation movement of the Circassian people during the Caucasian War. The Khajrets, having an effective military organization, showing high military activity in this sub-region of the North-Western Caucasus for several decades, had an influence disproportionate to their numbers among the peoples beyond the Kuban. The Russian Empire took all measures to neutralize this factor, and the Ottoman Empire used it in its geopolitical interests. The leaders of the Kabardian Khajrets, well aware of the bureaucratic structure of the Ottoman Empire, were in constant contact with the Ottoman Porte. Based on Russian and Ottoman sources, new aspects of Ottoman-Circassian relations are revealed, the chronological framework for the beginning of the resettlement of Circassians to Turkey is specified. Pre-revolutionary Russian and modern historiography attribute the beginning of the resettlement process to 1858. Documents from the Ottoman archives, first published in the article, indicate that this process took place as early as 1835. They also make it possible to identify among the migrants a new category of persons – refugees, which should be distinguished from other categories that appeared later – emigrants and displaced persons.

Key words: Hadjret Kabarda, Caucasian War, Mohammed Ash Atazhukin, refugees, emigrants, displaced persons.

For citation: Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K. "Free Kabardian’s" in the context of Russian Turkish and Ottoma-Circassianc relations in the first half of the 19th century based on russian and ottoman sources. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 69-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Thanks: Documents from the Ottoman archives were provided by Mehmet-Riza Chanak, a graduate of the Faculty of History of the University of Ankara. The texts of the documents were translated into Russian by Shamil Sasyk, a graduate of the Department of Russian Language and Literature of Ankara University.

В истории национально-освободительного движения черкесского народа в период Кавказской войны важное место занимало антиколониальное сопротивление кабардинских переселенцев, образовавших в районе Восточного Закубанья политию, известную как Хаджретская Кабарда. Организаторами переселения и военно-политическими лидерами хаджретов[1] выступали кабардинские князья.

История Хаджретской Кабарды достаточно полно отражена в российских источниках, известных отечественным исследователям. В меньшей степени это

[1] Авт.: Хаджретами кабардинцы называли своих соотечественников, переселившихся за Кубань после окончательного установления контроля российской военной администрации в Кабарде в 1822 г. В российских документах они получили название «беглых» или «вольных» кабардинцев.

касается турецких источников. В этом отношении представляют интерес сведения из фондов Османского архива. Эти документы открывают новые аспекты османо-черкесских взаимоотношений, истории переселения черкесов с Кавказа в пределы Османской империи, его хронологических параметров, роли и политического влияния кабардинского князя Магомет Аш Атажукина в среде хаджретов Закубанья.

Истории формирования Хаджретской Кабарды и ее участия в общенациональном черкесском сопротивлении посвящены работы В.Х. Кажарова [Кажаров 1994], Т.Х. Алоева [Алоев 2017] и С.Х. Хотко [Хотко 2015]. Личность Магомет Аш Атажукина как одного из лидеров Хаджретской Кабарды стала предметом отдельного исследования в ряде статей [Дыгъужь 1998; Алоев 2019; Мирзоев, Чанак 2022].

Кабардинское население в Восточном Закубанье сформировалось в период с 1799 по 1825 гг. в результате переселения всех недовольных установлением в Кабарде военно-политического и административного контроля Российской империи. Хаджретская Кабарда представляла собой автономную по отношению к другим черкесским обществам Западного Кавказа политию со своим избираемым лидером (валием), судом (мегкеме), с сохранением традиционного социально-политического устройства. Ее военно-политическое влияние в Восточном Закубанье было значительным [Алоев 2017: 19].

Согласно Кучук-Кайнаджирскому мирному договору 1774 г., Кабарда фактически признавалась турецкой стороной составной частью Российской империи. Земли за р. Кубань до Черноморского побережья считались владениями Османской империи. Данное положение сохранялось вплоть до 1829 г., до заключения Адрианопольского мирного договора.

Кабардинцы рассматривались как российские подданные, но те из них, кто переселился за Кубань, не признавая этого подданства, развернули активную деятельность по вовлечению проживающих здесь народов в антиколониальное военное сопротивление России. «Беглые» кабардинцы стали причиной взаимных претензий османских и российских чиновников и военных, отразившихся в дипломатической переписке.

Со стороны России предпринимались меры военного и дипломатического характера, направленные на нейтрализацию этого фактора. Турция же старалась использовать его в своих интересах для того, чтобы сохранить свое влияние и не допустить проникновения России в этот регион.

Османское правительство было информировано о роли и значении кабардинских хаджретов в Закубанье, постоянно контактировало с их лидерами через анапского пашу. Российские источники отмечали:

> «…князья, бежавшие от нас за Кубань, вместе со своими подвластными, находили радушный прием среди закубанских племен и покровительство анапского паши. За ними очевидно ухаживали, как за людьми, которые давали туркам лишние шансы к борьбе против русских» [Утверждение 1904: 65].

В делегации, посылаемые в Стамбул от лица черкесов Западного Кавказа, обязательно включались представители кабардинских хаджретов. Так, в 1825 г.

в составе делегации во главе с Бесленей Абатом, были два кабардинских хаджрета [Утверждение 1904: 404].

Отдельным пунктом претензий России к Турции и черкесам Северо-Западного Кавказа было требование изгнания со своей территории российских подданных, «преступников беглых кабардинцев». Карательные экспедиции российских войск против закубанских черкесов официально обосновывались необходимостью наказания их за предоставление убежища «беглым» кабардинцам.

Так, например, на письмо анапского паши в 1823 г. командующий войсками Кавказской линии генерал А.А. Вельяминов отвечал:

«Вы обвиняете здешнее начальство в неприязненных действиях против закубанцев,… забыв, что сами закубанцы тому причиной. Не у закубанских ли народов нашли себе убежище беглые кабардинцы, единственно хищническими свойствами отличающиеся?» [Утверждение 1904: 135].

Одновременно с этим он писал и владетельному темиргоевскому князю Мисосту Айтекову:

«С прискорбием услышал я, что на землях ваших поселились некоторые из беглых кабардинцев.… спешу предварить вас, что люди сии будут причиною разорения владений ваших, если вы не заставите их удалиться из оных. Войска наши будут везде отыскивать их, и тот народ, между коим найдутся кабардинцы, потерпит наравне с ними…» [Утверждение 1904: 136].

В это же время генерал А.П. Ермолов писал коменданту Анапы:

«Не скрою от вашего высокостепенства, что не перестану всячески преследовать изменников великого моего государя, укрывающихся за Кубанью кабардинцев. Вы не обвините меня, если буду наказывать и тех, кои будут давать им у себя убежище и пособия» [Утверждение 1904: 174].

Этот фактор особенно актуализировался во время обострения российско-османских отношений, завершившегося, в конечном итоге, очередной русско-турецкой войной 1828–1829 гг. Российские источники в связи с этим отмечали:

«С конца 1821 года, когда между Турцией и Россией возникли несогласия по поводу греческого вопроса, дела на Кубани значительно обострились, и мелкие набеги стали принимать характер уже открытых вторжений. Турецкая пропаганда на Кавказе приняла весьма опасный характер, а занятие Кабарды русскими войсками дало еще больший толчок этому движению. Турция не могла не понимать, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии, а в ее планы не входило уступать России обладание страной, богатой и дарами природы и воинственным населением, выставлявшим превосходнейшую легкую конницу. Мы уже видели, с каким радушием и даже почетом принимал анапский паша всех бежавших от нас кабардинских князей и селил их на Урупе,… в ближайшем соседстве от наших границ. Оскорбленные в своем достоинстве, гордые, отважные князья эти пылали мщением к России и охотно становились во главе всякого военного предприятия, принимая на себя предводительство партиями. Напрасно генерал Сталь принимал все меры, чтобы ослабить влияние

кабардинских князей на закубанцев. Как только осенью 1822 года у нас приступили в Кабарде к постройке укреплений, и беглые князья убедились, что им не разорвать железного круга, опоясавшего их земли, - они направили свои удары на более слабую кубанскую линию…» [Утверждение 1904: 101–102].

То, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии, понимали не только турки, но и сами черкесы. Именно поэтому черкесы Закубанья приняли активное участие в судьбе кабардинцев и поддержали их в антиколониальном сопротивлении империи. В период первого этапа борьбы Кабарды за независимость (1763–1779 гг.), в частности, во время так называемой «Семимесячной войны» 1779 г., кабардинские князья активно привлекали военные ресурсы бесленеевцев, темиргоевцев и других закубанских черкесов в ходе военной кампании, направленной на уничтожение Азово-Моздокской кордонной линии.

В российской дореволюционной историографии появление первых поселений «беглых» кабардинцев за Кубанью отнесено к началу XIX в. В многотомной истории «Утверждение русского владычества на Кавказе» сообщается:

«До 1804 года они жили в Кабарде, но когда там вспыхнул мятеж, то часть князей и дворянства со своими подвластными, не желая подчиниться нашей власти бежала в Закубанский край, под покровительство турецкого султана и поселились на вершине Урупа и по р.р. Марухе и Аксауту. Лишившись своих земель в Большой Кабарде, они питали к нам чувства самой нескрываемой ненависти и как тонкие дипломаты старались своими интригами возбуждать всюду против русских закубанских горцев. Многие из князей и дворян, проникнув еще далее в горы и поселившись между абадзехами, стояли всегда во главе всех предприятий и набегов закубанцев на линию» [Утверждение 1904: 84].

В современной историографии начало этого процесса относят к концу XVIII в. и связывают с зарождением шариатского движения в Кабарде [Кажаров 1994: 281–306].

Первый период миграции (1799–1803) связан с именем князя Адильгирея Атажукина – военно-политического лидера и религиозного реформатора. Вместе с ним переселились его единомышленники-дворяне с подвластным крестьянским населением. Переселенцы обосновались на р. Малый Зеленчук, и в 1802 г., по сведениям П.Г. Буткова, при Адильгирее Атажукине постоянно находилось 200 вооруженных сторонников [Бутков 2001: 178, 278]. Миграционные процессы в этот период осуществлялись в относительно мирных условиях и затрагивали сравнительно небольшую часть кабардинцев [Алоев 2017: 5–6].

Увеличение потока кабардинских переселенцев в последующие годы было связано с вторжениями в Кабарду российских войск на всем протяжении первой четверти XIX в. (экспедиции под командованием И.П. Дельпоццо, П.Д. Цицианова, Г.И. Глазенапа, С.А. Булгакова, Ю.П. Коцырева, А.П. Ермолова). Жесткие военно-административные меры А.П. Ермолова – командира Отдельного Кавказского корпуса – повлекли усиление противостояния кабардинцев и российской администрации. В результате военных экспедиций и устройства укреплений, блокировавших Кабарду от Закубанья, она была окончательно за-

воевана [Мирзоев 2021:75–76]. Около 20 тысяч кабардинцев, не приемлющих российского контроля, к 1822 г. ушло в Закубанье. В 1825 г. при поддержке закубанских черкесов лидеры «беглых» кабардинцев провели операцию по переселению еще нескольких тысяч своих соотечественников. К началу 30-х гг. XIX в. за Кубанью осело не менее 25 тысяч «беглых» кабардинцев [Бейтуганов 1993: 90].

Территория по рекам Уруп, Зеленчук, Лаба, где обосновались «вольные кабардинцы», стала плацдармом, откуда осуществлялись военные операции черкесской кавалерии против Кубанской кордонной линии. «Беглые» кабардинцы были не только участниками этих совместных с абадзехами, бесленеевцами, темиргоевцами акций, но и их руководителями [Алоев 2017: 7–9]. Командующий войсками Правого фланга Кавказской линии генерал-майор Н.Н. Антропов в 1828 г. составил характеристику закубанских народов: «Первенствующий народ есть абазехи, за ними следуют бесленеевцы, потом нагайцы по левому берегу Кубани жительствующие, потом темиргойцы, за ними беглые кабардинцы, но сии последние между всеми ими более всех пользуются уважением и влиянием своим на образ мыслей их в отношении предприятия против русских» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 1–7 об.].

Как отмечает в своей статье С.Х. Хотко, кабардинские переселенцы формировали наиболее опытные и стойкие отряды черкесского сопротивления [Хотко 2015: 9].

Значимым итогом стратегического продвижения России в Восточном Закубанье стало основание Зеленчукской укрепленной линии в 1829 г., направленной, в первую очередь, на достижение военного и административного контроля над районами расселения кабардинцев [Хотко 2015: 9]. После перенесения кордонной линии на р. Лабу (1839 г.) часть хаджретов переселилась на земли абадзехов, где они сохраняли свое самоуправление. Позднее, с продвижением кордонной линии вглубь черкесских земель, они перенесли свои поселения за р. Белую. Это были принципиальные сторонники политической свободы и бескомпромиссные противники имперских порядков. С середины 30-х гг. их лидером стал князь Магомет Аш Атажукин. Часть кабардинцев, вынужденно перешедших под контроль российской администрации, получила разрешение сохранить свои поселения на Урупе, Зеленчуке, Теберде и Хасауте.

В 1830 г., по сведениям российского генерального штаба, военный потенциал Хаджретской Кабарды оценивался всего в 300 всадников [РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 104]. Тем не менее, до самого окончания Кавказской войны российское военное начальство считало их опасными противниками, обладавшими высокими боевыми качествами, организованностью и значительным влиянием среди народов Закубанья [Алоев 2017: 25; Военно-статистическое 1851: 114; Бесленей 2009: 370; Кумыков 1994: 9]. Этому способствовало сохранение среди хаджретов строгой феодальной иерархии с ее принципами дворянской чести и верного служения своим сюзеренам [Мирзоев, Чанак 2022: 49].

Поворотным, ключевым событием в судьбе кабардинских хаджретов и всех черкесов Западного Кавказа стало подписание Адрианопольского трактата 1829 г. между Турцией и Россией.

До 1829 г. река Кубань считалась границей между двумя империями, и де-юре территория как Восточного Закубанья, так и всего Северо-Западного Кавказа, находилась под протекторатом Османской империи. Де-факто черкесы были независимы от обеих империй.

Несмотря на османский протекторат, Черкесия до 1829 г. не раз подвергалась массированным вторжениям российских войск, сопровождавшимся уничтожением населения и всей системы жизнеобеспечения [Хотко 2015: 9]. Со стороны Российской империи действия военных представлялись как репрессалии – ответные акции в наказание на нападения закубанцев[1] на кордонную линию. На протесты османских чиновников о нарушении границ российские генералы отвечали: в связи с тем, что Турция не контролирует своих «подданных» черкесов, России приходится самой наказывать их. Согласно Ясскому договору 1791 г., все закубанские народы были признаны находящимися под покровительством Турции. Порта обязалась не допускать черкесские набеги за Кубань. В противном случае Турция должна сама наказывать своих «подданных» и по заявлению русских пограничных властей возмещать материальный урон и возвращать русских пленных [Утверждение 1904: 261]. Такие же обязательства брала на себя и Россия. Были прецеденты, когда российская сторона по требованию Турции возмещала убытки черкесам, нанесенные им набегами российской регулярной армии и кубанских казаков. Это положение сохранилось и после окончания очередной русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и заключения в 1812 г. Бухарестского мирного договора. Согласно этим договоренностям «…все черкесские племена, обитавшие по ту сторону Кубани, остались под владычеством Турции, и… на анапского пашу возложена была обязанность удерживать их от набегов в русские пределы» [Утверждение 1904: 92].

Таково было положение де-юре, в действительности же анапский паша не обладал властью и ресурсами, чтобы контролировать черкесов. Тем не менее, хотя Порта никогда не контролировала черкесов, она всегда стремилась использовать военный потенциал Черкесии в целях отвлечения сил России от военного театра очередной русско-турецкой войны. Такие войны вспыхивали регулярно, и в такое время Турция проявляла особую заинтересованность в активизации военных действий на Северо-Западном Кавказе.

Так было и накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Российские источники в связи с этим отмечали:

> «Турция,… готовясь к войне с Россией… сообразила каким богатым для нее контингентом послужат воинственные черкесы, если власть ее над ними будет не номинальная, как было доселе, но действительная, абсолютная, какую признавали все другие подвластные ей мусульманские народы. К утверждению этой власти она и начинает стремиться в эпоху греческого вопроса. Случай к этому не замедлил представиться: в Константинополь прибыла черкесская депутация из почтеннейших представителей народа, имея во главе… Бесленей Абата. Депутация эта просила у турок защиты от русских…. Порта с радостью ухватилась за этот случай и тотчас назначила в Анапу трапезондскаго пашу сераскира Хаджи-Гассан-Чечен-оглы с такими полномочиями, каких до него никто не имел» [Утверждение 1904: 433].

[1] Закубанцами в русских источниках обозначались все народы, проживавшие за р. Кубань до побережья Черного моря. Прежде всего, это черкесы, затем абазины, убыхи и ногайцы.

Несмотря на энергию, авторитет и несомненные административные способности уроженца Кавказа сераскира[1] Хаджи-Гассан-Чечен-оглы, стремление Порты сделать черкесов полноценными османскими подданными оказалось тщетным. Подданство в понимании османских чиновников и черкесов представлялось по-разному. Сераскир призывал черкесов к полному и безусловному повиновению верховной власти султана и его представителю в Анапе. Также от них требовались принятие присяги на подданство султану и выплата дани на содержание анапского гарнизона [Утверждение 1904: 433]. Однако, как свидетельствуют источники, ожидания османских чиновников не оправдались:

«черкесы, признававшие султана, как преемника халифа, главою религии, отказались принести ему присягу даже и в том ограниченном смысле; а относительно покорности ему, как светскому властителю, не хотели и слышать. Под светскою властью они совершенно основательно разумели право вмешиваться в их внутренние дела. Что же касается до дани – она в их глазах была равносильна потери независимости, отстоять которую они рассчитывали именно при помощи Турции. Теперь Турция сама посягала на эту независимость. Таким образом, между народом и правителем, присланным Портою, сразу началась… борьба, и первая же попытка оттоманского правительства утвердить свое владычество над закубанскими племенами встречена была суровым отпором. Таким образом шапсуги, а за ними и абадзехи встали во враждебные отношения к нам и к Турции» [Утверждение 1904: 442].

Черкесы, и так находившиеся в состоянии войны с Российской империей, с началом русско-турецкой войны активизировали свои действия против кордонной линии. Их отряды атаковали с гор российские войска, осаждавшие Анапу. Несмотря на поддержку черкесов, гарнизон крепости 12 июня 1828 г. капитулировал.

По итогам войны 14 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, согласно которому Османская империя отказывалась от любых притязаний на Черкесию и передавала России все земли от Кубани до побережья Черного моря. Россия получила юридические права на фактическое присоединение этих территорий. Черкесские лидеры, не признали правомерность такого соглашения. Как отмечал К. Маркс, «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была… независима от Порты…» [Маркс 1957: 417–418]. Черкесы сознавали, что натиск империи будет усиливаться и поставит их перед дилеммой: принять ультиматум со стороны России о полной покорности, или объединить все свои силы для сопротивления. Угроза потери национальной независимости заставила их предпринять военно-административные меры, призванные усилить консолидационные процессы. К ним можно отнести проведение, начиная с 30-х гг. общенациональных съездов – хасэ, на которых принимались важные решения по организации антиколониального сопротивления. Также черкесы продолжали надеяться на военную и дипломатическую поддержку османского султана, резонно полагая, что

[1] Сераскир – титул, который носили заместители великого визиря Османской империи, командовавшие войсками во время войны.

возможная очередная война между империями создаст ситуацию, благоприятную для борьбы за независимость [Хотко 2015: 8–9].

Несколько десятков лет военного противостояния Российской империи привели к сокращению численности населения и военного потенциала Хаджретской Кабарды. С 1800 по 1825 г. потери закубанских черкесов, по свидетельству их представителей, составили 25225 человек, 50 тысяч лошадей, 60 тысяч рогатого скота и более 100 тысяч овец [Утверждение 1904: 404]. Потери от разорений российских войск черкесы фиксировали и сообщали о них турецким властям, так как де-юре эта территория тогда еще находилась под османским протекторатом. В османском архиве сохранились подробные сведения о потерях хаджретов во время трагических событий, связанных с разорением аула кабардинского князя Али Карамурзина в апреле 1825 г. Согласно им российские войска захватили в уничтоженном ауле 169 человек пленных, 670 лошадей, 1050 голов скота, 20 кольчуг, 25 шашек, 30 пистолетов, 4000 овец, 40 котлов и другого имущества на сумму 241 150 курушей[1] [ДГАОА. Xat_1104_44592_A].

Интенсивность боевых действий а, следовательно, материальные и людские потери после 1829 г. увеличились многократно. Российская империя, получившая юридические права на Северо-Западный Кавказ, могла вести его завоевание без опасения вмешательства и противодействия других держав. Император Николай I перед военными в лице главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала И.Ф. Паскевича поставил задачу: «Кончив… одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [Щербатов 1894: 229].

Эскалация войны привела к сокращению демографического и военного потенциала «беглых» кабардинцев. Стали проявляться признаки усталости населения от гибельных последствий войны [Алоев 2017: 64–65]. Часть элиты хаджретов начинает искать возможность изменения своего статуса с «преступников» на законопослушных подданных империи. Учащаются случаи выхода из-за Кубани крепостных крестьян непокорных князей и дворян под покровительство российских кордонных начальников [Мирзоев, Чанак 2022: 49]. На Западном Кавказе появляется новая категория населения – беженцы. Так в современном международном праве именуются лица, покинувшие страну, в которой они постоянно проживали, в результате преследований, военных действий или иных чрезвычайных обстоятельств [Международное 1982: 142].

Официально российское правительство начало процесса переселения черкесов в пределы Османской империи относило к началу 1858 г. В письме командующего Кавказской армией князя Г.Д. Орбелиани к командующему войсками Кубанской области Н.И. Евдокимову от 11 сентября 1862 г. сообщается:

> «начавшееся в 1858 году переселение мусульман наших в Турцию было предметом весьма деятельной дипломатической переписки нашего правительства с турецким. Рассмотрев эту переписку, я увидел, что Порта не только никогда не изъявляла желания принимать к себе наших выходцев, но постоянно жаловалась на затруднения, в которое ставит их прибы-

[1] Куруш – название денежной единицы Османской империи представлявшей собой серебряную монету.

тие большими массами. Турецкое министерство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел и к наместнику Кавказскому с настойчивыми просьбами остановить эти переселения. Эти жалобы и требования были нами отклонены под тем предлогом, что правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуски для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, Турецкое правительство не будет возражать, запрещение подобных отпусков мы не считаем возможным. Так как переселенцы отправлялись на свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возразить против этой меры, тем более что и размеры переселения скоро уменьшились. Теперь, когда переселенцы начнут снова прибывать во множестве на судах, зафрахтованных казною, а не на собственный счет, переселение получит совсем иной вид. И мы уже не будем иметь права отклонять жалобы под предлогом столь же благовидным, как и прежде» [АКАК 1904: 1010–1012].

В этот период, с 1858 по 1861 г., переселение черкесов не носило такого массового характера, какое оно приняло впоследствии, с 1862 г. – в последние годы Кавказской войны. Оно совершалось с территории, контролируемой колониальной администрацией, проходило в мирных условиях и не имело прямого принудительного характера. В это время переселилось менее 100 тысяч человек, выезд переселенцев осуществлялся по российским паспортам и под видом паломничества в святые места [Трагические 2000: 37]. Основную массу переселившихся под предлогом паломничества составляли ногайцы, черкесов среди них было не более 15 тысяч человек. Большая часть из них были жителями Кабарды, находившейся под полным российским контролем. По всем формальным признакам этих переселенцев можно отнести к категории эмигрантов. Имевший место с 1858 по 1861 гг. переселенческий процесс на территорию Османской империи осуществлялся через российские порты Новороссийск и Тамань, с выдачей мигрантам российских паспортов.

С 1862 г. лозунг «поездки на поклонение гробу Магомеда», под которым прикрывалось выселение «горцев» – черкесов, абазин, ногайцев, был отброшен. Теперь, когда военная администрация начала активную деятельность по насильственному выселению черкесов в соответствии с планом Евдокимова, оно носило характер не эмиграции, а прямой депортации [Кумыков 1990]. Выселение основной массы черкесского населения Северо-Западного Кавказа произошло в период с 1862 по 1865 гг. (более полумиллиона человек), проводилось посредством войсковых операций российской армии и имело для черкесов принудительный характер. По современной юридической терминологии этих переселенцев, депортированных с территории исторического проживания, можно отнести к категории «перемещенных лиц».

Существовала еще одна категория лиц, не относившаяся к вышеуказанным двум – эмигрантам и перемещенным лицам. Это – беженцы, люди, вынужденно покинувшие родину, спасаясь от ужасов и бедствий Кавказской войны. Они не имели российских паспортов, переселялись на турецких судах, нелегально пристававших к берегам воюющей Черкесии, и, по прибытии в турецкие порты, на таможенных пограничных пунктах регистрировались именно как беженцы – по османской бюрократической терминологии «ильтльджа».

В связи с этим представляют интерес документы, извлеченные из Османского архива Турции. В одном из них – в прошении, поданном кабардинским князем Магомет Аш Атажукиным на имя султана 28 апреля 1835 г. в канцелярию великого визиря, говорится:

«Почтеннейший, милостивый господин! Живите в здравии во благо, наш Государь!

Бедные черкесы и кабардинцы, которые хотели только лишь свободы и спокойной жизни, покинули свою Отчизну и остались без крова. Они желали бы обосноваться в Анатолии. Следуя из окрестности Самсуна по направлению к Мерзифону и миновав его, можно выйти на дорогу в Чорум. Эти люди, которые прибыли сюда, покинув свою Родину, очень истощены, устали, пережили много трудностей. В Анатолии в Чорумском санджаке в Эмлакнахийэ находятся территории Кадыкёй, Карахысары, Демирли и другие подобные земли, пустующие уже 150 лет, где можно разместить 500–600 семей и 300–400 семей могут расположиться в самом Чоруме. С Вашего и Аллахь-Тале благословения, эти люди найдут свое место проживания в Чорумском санджаке. Если доверите эти плодородные земли бедным черкесам и кабардинцам, помогая им, то через несколько лет эти земли будут процветать, и с ними придет берекет. В свое время каждая семья сможет представить всадника-воина для защиты Османской империи.

Достопочтимый господин, прошу приказать мютеселлиму[1] Чорумского санджака[2] расселить этих бедных черкесов и кабардинцев в Чорумском санджаке в Эмлак-районе (Кадыкёя, Карахысары, Демирли и подобных территориях) и издать соответствующий Указ.

Достопочтимый господин, необходим и Указ о переселении этих людей с серьезными проблемами из мест, где они находятся, в места расселения. Такой Указ Шаха может издать только почтеннейший всемогущий милостивый наш Султан.

Хъатузуко оглу Чолак[3] Мухамэд Бек. Лидер группы» [ДГАОА. Дж. ДХ. 137-6832].

Письмо было отправлено из Чорума, написано там же.

Магомет Аш Атажукин находился в Османской империи весной-летом 1835 г. Ф.Ф. Торнау сообщал, что Атажукин совершил поездку в Константинополь в 1835 г. с целью лечения раненной руки [Торнау 1999: 291]. Как свидетельствуют выявленные в Османском архиве документы, во время этой поездки он занимался не только личными, но и общественными делами, связанными с переселением черкесов с территории Северо-Западного Кавказа в пределы Османской империи. В переписке с османскими властями Атажукин говорит от имени и представляет интересы кабардинских хаджретов, проживавших в Закубанье, а также тех кабардинских хаджретов и черкесов, которые, спасаясь от войны, ко времени его прибытия в Турцию уже находились здесь [Мирзоев, Чанак 2022: 49].

Данное письмо и последующая переписка с канцелярией великого визиря свидетельствуют о том, что Атажукин был принят в Османской империи как лидер кабардинских хаджретов. Предоставленное им обращение после рассмотрения великим визирем было отправлено к главному секретарю султана Махмуда Второго.

---

[1] Мютеселлим – заместитель главы административной единицы – эялета или санджака.

[2] Санджак – административно-территориальная единица в Османской империи.

[3] Чолак – «Сухорукий», перевод с турецкого. Во время одного из сражений с русскими войсками Магомет Атажукин получил ранение – у него оказались перебиты обе руки, в результате чего правая стала значительно короче левой. Его называли поэтому Магомет Аша, то есть сухорукий [Торнау 1999: 291].

По дороге из Самсуна в Константинополь Магомет Аш Атажукин встретил несколько групп беженцев (кабардинцев и черкесов) с Западного Кавказа, находившихся в бедственном положении и проживавших в не благоприятных для ведения сельского хозяйства местах Османской империи. Кроме того, вместе с самим Магомет Аш Атажукиным прибыло еще несколько групп переселенцев с Западного Кавказа – закубанских черкесов и кабардинских хаджретов. Османские документы всегда отмечают отдельно кабардинцев и черкесов, Кабарду и Черкесию. Возможно, это связано с тем, что Кабарда как государственное образование до XVIII в. признавалась обеими империями – Российской и Османской и никогда по международному праву не считалась частью Османской империи. Территория же за Кубанью, в Османских документах Черкизистан, а в русских – Черкесия – считалась формально находящейся в ведении Османской империи до 1829 г. Следует также обратить внимание на используемые в османских документах термины ильтльджа (беженецы) и мухаджиры (иммигранты).

Атажукин в этом обращении предлагает османским властям, чтобы расселение беженцев и иммигрантов в Османской империи было осуществлено в соответствии с системой «тимар»[1] или «зеамет»[2]. Магомет Аш считает, что переселенцы, в основной массе своей крестьяне-земледельцы, быстро адаптируются, приведут в порядок эти земли, а также будут обеспечивать хорошими всадниками османскую армию во время войны. Таким образом, могут иметь место обоюдные выгодные условия для переселенцев и Османского государства: земля для переселенцев взамен на выставление ими способных воинов-всадников. Из содержания этого документа также можно увидеть, что Атажукин был хорошо осведомлен о землях, которые описывал, хорошо знал регион начиная от Самсуна и до Константинополя. В своем обращении он описывает регионы, учитывая их сельскохозяйственный потенциал. Изучает состав населения региона и состояние земель (какие в хорошем состоянии, какие пустуют по несколько лет и т.д.). Упоминает о том, что кабардинцы и черкесы – трудолюбивые и опытные земледельцы. Также уточняет, что с течением времени каждая семья сможет выставить хорошего воина. Можно сделать вывод, что он собирался договариваться о размещении около 1000 семей беженцев и создать в указанных им районах зону сосредоточения производственных и военных сил на основе поселений из кабардинцев и черкесов. Если взять за минимальный состав одной семьи 5 человек, то можно понять, что речь идёт примерно о 5000 человек. В то время за Кубанью по данным Хан-Гирея проживало примерно 12

---

[1] Тимар – военный лен, представляющий собой условное феодальное земельное держание, существовавшее в Османской империи до отмены военно-ленной системы (1839). Годовой доход с одного тимара составлял менее 20 тысяч акче. Держатель тимара (тимариот) был обязан лично участвовать в военных походах, имея при себе одного джебели (конного воина) на каждые 3 тысячи акче дохода.

[2] Зеамет – военный лен, получаемый сипахом (конным воином) за несение военной службы. Представлял собой условное феодальное земельное держание, существовавшее в Османской империи до отмены военно-ленной системы (1839). Держатель зеамета — заим (зеам). Заимы проживали в своих ленах и были обязаны лично выступать в поход по первому требованию правительства, имея с собой на каждые 5 тысяч акче дохода одного конного воина — джебели. Джебели – категория конного войска в Османской империи, воины, выставляемые держателем лена — тимариотом, заимом или бейем. Каждый джебели полностью обеспечивался своим хозяином.

400 кабардинских хаджретов [Султан Хан-Гирей 2009: 76]. Уменьшение их численности по сравнению с 1825 г. (около 25 тыс.) было связано как с военными потерями, так и с тем, что часть «беглых кабардинцев» и их поселения перешли под контроль российской администрации. Следовательно, Магомет Атажукин мог иметь влияние на такое количество семей. В письме сообщается, что он является лидером прибывших с ним переселенцев. Со стороны османских властей соответственно Атажукин был принят на высоком уровне как представитель кабардинских мухаджиров. Предоставленные им обращения отправляются в офис самого султана Махмуда Второго. Обращение, написанное в канцелярию, одобряется и перенаправляется на рассмотрение к главному секретарю (Мабеин Башкатиб) султана Махмуда Второго. Об этом свидетельствует следующий документ.

«От Садарета[1]

Четыреста семей из черкесов и кабардинцев небольшими группами достигли порта Самсун. Чтобы они не накапливались в порту, их направили в административные районы Чорума, Амасии и Самсуна. Они должны были быть перемещены для заселения в соответствующие места для ведения сельского хозяйства.

Для приказа при определении титула бея[2] господину Мухаммеду из этой группы уважаемому главному казначею необходимо подготовить соответствующий документ для утверждения султаном.

Это люди – беженцы, потерявшие полностью свой очаг и все имущество, покинули свою Родину и переселились на территорию Анатолии благодаря милости султана, самого великодушного защитника в мире. Из-за выше изложенного для переселения этих людей в соответствующие места, как и в аналогичных случаях, необходимо выполнить приказ султана. Для исполнения желания господина Мухаммеда с позволения Хазрети Шэхин-Шаха[3], согласившегося присвоить ему титул бея, начата подготовка документов. С уважением» [ДГАОА. Хат_00737_34972_00001].

На это письмо главный секретарь садразама отвечает положительно и даёт ответ:

«От главного секретаря дворца Садарету.

В отношении тех, кто прибегает к любви и защите Верховного халифата, сообщая о своем статусе, из-за щедрости Аллаха и милости Османского государства, с этим ценным документом было принято решение.

Применение высшего приказа о том, чтобы были заселены в соответствии с правилами в тех административных районах и местах, о которых идет речь, и были защищены от налогов и сборов в течение трех лет. Предоставление титула бея упомянутому господину Мухаммаду и завершение путем предоставления Берата[4] или применения высшего приказа, необходимого в этом вопросе.

Это проявление высшей воли самого могущественного повелителя. Упомянутый приказ исходит от величественной высочайшей воли» [ДГАОА. Хат_00737_34972_00001].

---

[1] Садарет – место работы, канцелярия садразама – великого визиря.

[2] В Османской империи титул «бей» обычно присваивался крупным землевладельцам и правителям округов (санджаков). Выше этого титула был только титул паши.

[3] Хазрети Шэхин-Шах – один из титулов османского султана.

[4] Берат – документ, свидетельствующий о присвоении титула бея.

После этих решений переписка идет уже на уровне министерства внутренних дел. В частности, в документе этого ведомства от 19 июля 1835 г. сообщается:

«400 семей черкесов и кабардинцев небольшими группами прибыли в порт Самсун. Их направили в къаза[1] Чорумского санджака, Самсунского санджака и санджака Амасии: Ладик, Хавза и Мерзифон.

Чтобы эти люди могли заниматься сельским хозяйством, часть из них нужно отправить и разместить в населенные пункты Чорумского санджака, пустовавшие 150 лет и запущенные: Нахие Эмлак, Кадыкулу и Карахисар-Демирле, а также в подобные поселения поблизости.

В связи с необходимостью присвоить титул бея главному из этих людей, господину Мухаммеду нужно во исполнение высочайшей воли приказать руководителям Чорумского санджака считать его беем. Этот высочайший приказ необходимо исполнить. В Чорумском къаза Чорумского санджака есть 113 домов, готовых для заселения, и 11 полуразрушенных домов в селе Карахисар-Демирле.

Как видно из дивана-журнала[2], в Нахие Эмлак и названных къаза недостаточно внимательно изучена обстановка. Судя по регистрации Дефтерхане- и Амине[3] человек из княжеского рода черкесов и кабардинцев по имени Тахир[4] переселился вместе с 40–50 своими родственниками в къаза Амасия Аргома Нахия. В тех краях незанятые земли нужно распределить между ними, выдать документы о землевладении, не взимая с них за это плату. До тех пор, пока они не смогут прокормить себя, обрабатывая земли, налогов с них не брать. Причинами этого являются (в соответствии с высочайшим приказом): эти люди потеряли все и остались «нагишом», отдали себя на милосердие и великодушие султана; они безвозвратно покинули свои дома и земли и переселились в Анатолию; по милости Аллаха они оказались под защитой султана; во исполнение приказа великого эмира их надо поселить в указанные села. Господину Мухаммеду, как это принято в Мэмалики Шахане[5], необходимо присвоить титул бея выше, чем ему подобным, с правом наследования этого титула его потомству.

Земли, которые будут розданы этим людям, в случае их смерти будут отобраны, если у них нет наследников; если же они есть, земли передаются по наследству. Эти люди будут заниматься сельским хозяйством или по системе «тимар» и «зеамет», или в течение трех лет с них не будут брать налоги.

Присвоение титула бея господину Мухаммеду можно оформить в виде «титул берат» или в рамках высочайшего повеления. Кроме того, есть приписка дивана-химаюна-къалэмэ[6] к документу такого содержания: благодарение Аллаху. Это общеизвестно: такой приказ может исходить только от того, кто имеет право проявлять высочайшую волю» [ДГАОА. C.DH. 165_8210].

После одобрения министерством внутренних дел 400 семей кабардинских хаджретов и черкесов, прибывших в порт Самсун, были направлены на земли, предназначенные для переселенцев.

---

[1] Къаза – административная единица, входившая в состав санджака.

[2] Книга, в которой зарегистрированы сборщики налогов, состояние и подведомственность земельных участков.

[3] Дефтерхане – ведомство, где хранятся главные тетради, которые назначают и регистрируют разные виды земель, таких как хас, зиамет, тимар, мюлк, вакыф. Хранятся в источниках Дефтерхане-и Амине, Дефтер-и Вилайет, Дефтер-и Хакани, Дефтер-и Дергах-и Али.

[4] Личность этого князя нами не идентифицирована. По всей видимости, речь идет о переселенцах с Кавказа, прибывших в Османскую империю до приезда Магомет Аш Атажукина и поселенных в указанных районах.

[5] Мэмалики Шахане – реестр всех османских земель.

[6] Дивана-химаюна-къалэмэ – Высший государственный совет при султане, куда входят представители высших государственных должностей (садразам, салетскер, дефтердар, визири). После того как ими принято решение по какому-либо вопросу, оно зачитывается султану и, в случае его одобрения, оно считается принятым и рассматривается как повеление самого султана.

Еще один документ Османского архива свидетельствует, что все предложения и рекомендации, сделанные Атажукиным османскому правительству, были рассмотрены на высшем уровне благожелательно, всем соответствующим ведомствам даны распоряжения и предписано оказать максимальное внимание к нуждам переселенцев и их лидера, получившего от султана титул бея.

Приведем его тоже полностью:

«Черкесы и кабардинцы прошли через самсунский порт группами и четыреста дворов отправились в уезды в пределах санджака Самсун и Чорум, а также в Ладик, Хавзу и Мерзифон, которые связаны с санджаком Амасья.

Некоторых из них следует поселить в селе Кадыкёй района Эмлак, в нахие[1] Демирли Карахисар, который находится в Чорумском санджаке и находится в полуразрушенном состоянии уже сто пятьдесят лет, а некоторых из них следует расселить в других подходящих местах, где они должны возделывать землю.

Во главе их был послан уважаемый человек, Мухаммед-бей, от лица, названного в Чоруме, с грамотой, для султанского приказа быть назначенным старшим, как и в других племенах, путем избрания.

Изучив записи, эту ситуацию, спросили мнение у Его Превосходительства военного дефтердара, и было видно, что в центральном районе Чорум санджака имеется сто тринадцать облагаемых налогом домохозяйств и одиннадцать зарегистрированных облагаемых налогом домохозяйств в селе Демирли Карахисар, и нет четко зарегистрированных налогооблагаемых домохозяйств в подрайоне Эмлак и селе Кадыкёй. Кроме того, у Дефтерхане-и Амире спросили, сколько зеаметов и тимаров было включено в селе Кадыкёй и Демирли Карахисар.

Так как они тоже окончательно покинули свою родину и мигрировали из чужой страны, пришли в Анатолию и нашли убежище у султанского величества, по поданным ими петициям они также не должны платить десятину, налоги и тому подобные вещи на срок до трех лет после их размещения на подходящих местах в вышеназванных поселках и селах. Как и в других племенах Османской страны, Мухамед-бей был назначен владыкой своей общины, и был написан приказ о выдаче главному бухгалтеру Почетной грамоты по этому вопросу.

Как упоминалось выше, получено необходимое разрешение насчет тех, кто был размещен в подходящих местах в городах и деревнях, чтобы быть им защищенным по высшему повелению, без истребования налога в течение трех лет, и избрать беем Мухамед-бея в вышеупомянутое сообщество. Дефтердаром[2] было также письменно заявлено, что необходимо отдать главному бухгалтеру необходимый расчетный ордер для написания устава от Диван-и Хумаюн и Мухамед-бея, который включает в себя избрание бека над указанной общиной.

Поселение указанных общин в санджаках Самсун, Амасья и Чорум, районах, подрайонах и их деревнях, в зависимости от обстоятельств, путем выдачи не облагаемых налогом документов о праве собственности на свободные земли, которые никем не используются для заработка, пока они не достигнут уровня благосостояния, их будут всячески защищать, не взимая десятину и налог в течение трех лет.

Высочайший приказ был отправлен от Диван-и Хумаюна губернаторам Сиваса и Трабзона, счетоводу Джаника, казначею санджаков Амасья и Чорум, судьям вышеупомянутых городов и тем, кто должен обеспечивать их безопасность и спокойствие в Османской стране, чтобы в отношении к ним не возникало никаких негативных ситуаций.

[1] Нахие – административно-территориальная единица из нескольких сел, входившая в состав къаза.
[2] Дефтердар – министр финансов и главный казначей Османской империи.

Мухамед-бею был передан этот сертификат и главному бухгалтеру для написания и выпуска Верховного берата, в котором говорится, что бей был назначен над этими общинами в соответствии с приказом султана.

Хиджра 29.03.1251 / 25 июля 1835 г. Пусть исполнится» [ДГАОА. Дж_ДХ 83-4150].

Однако, несмотря на предоставленные Османским правительством значительные привилегии Магомет Аш Атажукин после расселения прибывших с ним людей возвращается в Черкесию. Он участвует в национально-освободительной войне вплоть до своей гибели в 1846 г. [Мирзоев, Чанак 2022: 50].

Анализ этих документов позволяет сделать несколько выводов:

– османское правительство было хорошо информировано о состоянии дел в Черкесии, о ходе войны на Западном Кавказе, о лидерах черкесского сопротивления;

– лидеры кабардинских хаджретов находились в постоянном контакте с османским правительством, были осведомлены о государственном устройстве Османской империи и ее бюрократии;

– процесс переселения черкесов в пределы Османской империи имел место в 30-х гг. XIX столетия, задолго до 1858 г., считающегося в дореволюционной и современной российской историографии началом переселенческого процесса. При этом следует отметить, что он не носил масштабного характера – речь идет о нескольких тысячах переселенцев;

– эти переселенцы с территории независимой Черкесии, не подконтрольной российской военной администрации, но регулярно подвергавшейся набегам российских войск, являлись по своему статусу беженцами и таковыми рассматривались османским правительством; их следует отличать от других, позднее появившихся категорий переселенцев, – эмигрантов и перемещенных лиц. К эмиграции следует отнести переселенческий процесс, имевший место с 1858 по 1861 гг., осуществлявшийся через подконтрольные России порты, с выдачей мигрантам российских паспортов. К категории перемещенных лиц следует отнести основную массу черкесского населения Северо-Западного Кавказа, депортированного в период с 1862 по 1865 гг. в результате военных действий. Переселение в этот период имело для черкесов принудительный характер;

– кабардинские хаджреты на всем протяжении Кавказской войны являлись значимым актором антиколониального сопротивления, проявляя непропорциональную своей численности военную активность в районе Восточного Закубанья;

– с середины 30-х гг. XIX столетия военно-политическим лидером хаджретов являлся князь Магомет Аш Атажукин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией: А.П. Берже. Издательство: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского. – Тифлис. Тома I–XII. 1866–1904. – Т. XII. – Ч. II. – 1904. –1558 с.

Алоев 2017 – *Алоев Т.Х.* Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Хатокшоко Магомет Аша: вступая на путь легенды // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). – 2019. – № 4-1 (43). – С. 29–35. – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов: очерки истории. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.

Бесленей 2009 – Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII-XIX вв.: сборник документов и материалов / сост. и вступ. ст. С.Х. Хотко. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 407 с.

Бутков 2001 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. – Нальчик: «Эль-Фа», 2001. – 355 с.

Военно-статистическое 1851 – Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 1, Ставропольская губерния. Департамент Генерального Штаба. – Санкт-Петербург, 1851 г. – 274 с.

ДГАОА – Дирекция государственных архивов (Османский архив). Стамбул.

Дыгъужь 1998 – *Дыгъужь ФуIэд.* ХьэтIохъущокъуэ Iэшэ // Iуащхьэмахуэ. Налшык, 1998. – № 5. – С. 120–122.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: «Эль-Фа», 1994. – 438 с.

Кумыков 1990 – *Кумыков Т.Х.* Адыгское мохаджирство – последствие Кавказской войны // Кабардино-Балкарская правда. – 1990, 10 апреля.

Кумыков 1994 – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 116 с.

Маркс 1957 – *Маркс К.* Лорд Пармельстон. Статья восьмая // Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. 1957. – Т. 9. – 701 с.

Международное 1982 – Международное право: [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение" / Г.И. Тункин, Д.И. Фельдман, И.И. Лукашук и др.]; Отв. ред. Г.И. Тункин. – М.: Юрид. лит., 1982. – 566 с.

Мирзоев, Чанак 2022 – Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия Хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 37-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54. EDN: BVRPLU.

Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. – Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 400 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау: воспоминания и документы. – Нальчик: «Эль-Фа», 1999. – 492 с.

Трагические 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник документов и материалов / сост. Р.Х. Гугов, Х.И. Касумов, Д.В. Шабаев. – Нальчик: «Эль-Фа», 2000. – 464 с.

Утверждение 1904 – Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Часть 2-я. Под руководством начальника штаба Кавказского военного округа ген.-лейт. Н.Н. Белявскаго, составленном в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора Потто. Время Алексея Петровича Ермолова. 1816–1826 годы. – Тифлис. Типография штаба Кавказского военного округа, 1904. – 607 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е годы XIX века. На основании новых архивных документов из РГВИА // Архивы и общество. Научно-просветительский журнал исторических, общественно-политических и социально-культурных проблем. – Нальчик, 2015. – № 35. – С. 8–55.

Щербатов 1894 – *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов. Т. 1–7. – Санкт-Петербург: тип. лит. Р. Голике, 1888–1904. – Т. 2. – 1894. – 626 с.

REFERENCES

Aktyi, sobrannyie Kavkazskoy arheograficheskoy komissiey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. / pod redaktsiey: A.P. Berzhe. Izdatelstvo: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. Tiflis. Toma I–XII. 1866–1904. – Vol. XII. – 1904. – 1552 p. (In Russ).

ALOEV T.H. *Ocherki politicheskoy istorii hadzhretskoy Kabardyi v pervoy polovine XIX v [*Essays on the political history of the Hadjret Kabarda in the first half of the 19th century]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatelskiy otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 126 p. (In Russ).

ALOEV T.H. *Hatokshoko Magomet Asha: vstupaya na put legendyi* [Hatokshoko Mohammed Asha: embarking on the path of a legend]. Vestnik KBIGI (KBIHR Bulletin). – 2019. – 4-1 (43). – P. 29–35. (In Russ).

BEYTUGANOV S. *Kabarda i Ermolov: ocherki istorii* [Kabarda and Yermolov: essays on history]. – Nalchik: Elbrus, 1993. – 304 p. (In Russ).

Besleney – most Cherkesii. Voprosyi istoricheskoy demografii Vostochnogo Zakubanya. XIII-XIX vv: sbornik dokumentov i materialov [Besleney - the bridge of Circassia. Issues of historical demography of Eastern Trans-Kuban. XIII-XIX centuries: a collection of documents and materials]. / sost. i vstup. st. S.H. Hotko. – Maykop: Poligraf-Yug, 2009. – 407 p. (In Russ).

BUTKOV P.G. *Materialyi dlya novoy istorii Kavkaza s 1722-go po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. – Nalchik: «El-Fa», 2001. – 355 p. (In Russ).

Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. T. XVI. Ch. 1. Stavropolskaya guberniya [Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. XVI. Part 1. Stavropol province]. – Sankt-Peterburg, Departament General`nogo Shtaba, 1851. – 274 p. (In Russ).

Direktsiya gosudarstvennyih arhivov (Osmanskiy arhiv) [Directorate of State Archives (Ottoman Archive)]. Stambul.

DUG'UZH FUIAD. *HetIoh'uschok'ue Ieshe*. Iuaschhemahua. 1998. – № 5. – P. 120–122. (in Kabardino-Circassian)

KUMYIKOV T.H. *Adyigskoe mohadzhirstvo – posledstvie Kavkazskoy voynyi* [Adyghe mohajirs – a consequence of the Caucasian war]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1990, 10 aprelya. (In Russ).

KUMYIKOV T.H. *Vyiselenie adyigov v Turtsiyu – posledstvie Kavkazskoy voynyi* [The eviction of the Circassians to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 116 p. (In Russ).

MARKS K. *Lord Parmelston. Statya vosmaya* [Lord Parmelston. Article eight]. IN: Marks, K. Sochineniya: v 50 t. / K. Marks, F. Engels. – Izd. 2-e. – M.: Gospolitizdat. 1957. – T. 9. – 701 p. (In Russ).

Mezhdunarodnoe pravo [International law]: [Ucheb. dlya vuzov po spets. "Pravovedenie" / G. I. Tunkin, D. I. Feldman, I. I. Lukashuk i dr.]; Otv. red. G. I. Tunkin. – M. : Yurid. lit., 1982. – 566 p. (In Russ).

MIRZOEV A.S. *Genezis i evolyutsiya traditsionnoy voennoy kulturyi cherkesov. Srednevekove – Novoe vremya* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians. Middle Ages – New time]. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovyih, 2021. – 400 p. (In Russ).

Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskiy arhiv [Russian State Military Historical Archive]. Moskva.

SULTAN HAN-GIREY. *Izbrannyie trudyi i dokumentyi* [Selected works and documents]. – Maykop: OAO «Poligraf-Yug», 2009. – 672 p.

TORNAU F.F. *Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau: vospominaniya i dokumentyi [*Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron F.F. Tornau: memoirs and documents]. – Nalchik: «El-Fa», 1999. – 492 p.

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoy voynyi dlya adyigov (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.): sbornik dokumentov i materialov [Tragic Consequences of the Caucasian War for the Circassians (second half of the 19th - early 20th centuries): a collection of documents and materials]. / sost. R.H. Gugov, H.I. Kasumov, D.V. Shabaev. – Nalchik: «El-Fa», 2000. – 464 p.

*Utverzhdenie russkogo vladyichestva na Kavkaze [*The assertion of Russian rule in the Caucasus]. T. III. Chast 2-ya. Pod rukovodstvom nachalnika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga gen.-leyt. N.N. Belyavskago, sostavlennom v Voenno-istoricheskom otdele pod redaktsiey general-mayora Potto. Vremya Alekseya Petrovicha Ermolova. 1816–1826 godyi. Tiflis. Tipografiya shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1904. – 607 p.

HOTKO S.H. *Iz istorii uchastiya kabardintsev v obschecherkesskom soprotivlenii v 30-e godyi XIX veka. Na osnovanii novyih arhivnyih dokumentov iz RGVIA* [From the history of the participation of Kabardians in the all-Circassian resistance in the 30s of the XIX century. Based on new archival documents from the RGVIA]. IN: Arhivyi i obschestvo. Nauchno-prosvetitelskiy zhurnal istoricheskih, obschestvenno-politicheskih i sotsialno-kulturnyih problem. – Nalchik, 2015. – № 35. – P. 8–55.

SCHERBATOV A.P. *General-feldmarshal knyaz Paskevich: Ego zhizn i deyatelnost* [Field Marshal Prince Paskevich: His life and work]. / Po neizd. istochnikam sost. Gen. shtaba gen.-mayor kn. Scherbatov. T. 1–7. – Sankt-Peterburg: tip. lit. R. Golike, 1888–1904. – Vol. 2. – 1894. – 626 p.

Информация об авторах

А.С. Мирзоев – кандидат исторических наук.

М.-Р.К. Чанак – пенсионер.

Information about the authors

A.S. Mirzoev – candidate of science (History).

M.-R.K. Zhanak – retiree.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 03.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.